

УДК 32:14 (575.2) (04)

ПОЧВЕННОЧЕСТВО

К.К. Иманалиев – канд. полит. наук

In the article the nationalist trend in Russian literature is considered.

Перед тем как приступить к разбору творчества представителей почвенничества мы хотели бы сказать несколько слов о названии этого направления. Их стали называть “почвенниками” за то, что они пытались идти третьим путем, т.е. срединным – путем нахождения “национальной почвы”, могущей стать основой социального и духовного развития России.

Одним из видных представителей почвенничества был Аполлон Александрович Григорьев (1822–1864), выходец из небогатой, культурной семьи. Его отец обучался в Московском “благородном пансионе”, где имел дружеские отношения с Жуковским и Тургеневым, сыну дал прекрасное должное воспитание.

А.А. Григорьев, поступив в Московский университет, увлекся немецкой философией и романтической литературой Западной Европы. Был активным участником студенческих кружков. После окончания учебы работал в библиотеке, что дало ему возможность познакомиться и сблизиться с самим М.П. Погодиным, который предлагает ему работу в редакции журнала “Москвитянин”. Здесь, в «молодой редакции “Москвитянин” он получает то, что станет делом всей его жизни – это вера “в грунт, почву, в народ”. Ради этого истинно “непосредственного” необходимо освободиться, отречься от искусственной, не естественной, не истинной внешней жизни. Это вдохновляет Григорьева А.А. на поиски глубинно-“непосредственного”, что должно быть цельным и ценным. А таким ценным и цельным для него становится Православие: “под Православием я разумею стихий-

но – историческое начало, которому суждено жить и дать новые формы жизни”»¹.

А.А. Григорьев не просто отрицает или принимает позиции философской мысли представителей немецкой философии, а подходит к ним с позиций своего, а своим он считает культ “непосредственности”. Последнее шире всяких логическо-рациональных построений. Именно с этих позиций он отвергает рационализм Гегеля, хотя идея мира как целого, практикуемая Гегелем как Абсолютный дух, ему импонирует. “Для меня жизнь есть нечто таинственное, – писал он в одной из поздних статей, – т.е. нечто неисчерпаемое, необъятная ширь, в которой нередко исчезает, как волна в океане, логический вывод”². В философии Шеллинга ему было близко учение об “интеллектуальной интуиции”. Так как только “интеллектуальная интуиция”, а не логическое сознание способна приобщить к сверхчувственному миру.

Здесь необходимо отметить и его философию искусства, основу которой он заимствовал у того же Шеллинга. “Я верю вместе с Шеллингом, что бессознательность придает произведениям творчества их нижеследующую глубину”³.

Неуловимость, глубинность, полнота жизни и есть “почвенничество” А.А. Григорьева: «почва, это есть глубина народной жизни, таинственная сторона исторического движения. Весь

¹ Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. – Л., 1991. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 212.

² Там же. – С. 213.

³ Там же. – С. 214.

пафос “самобытности” направлен у него на это погружение в глубину народности; ему поэтому чуждо разногласие западников и славянофилов, он ищет новую историческую концепцию¹.

Иначе говоря, для А.А. Григорьева Православие было основой глубины всего русского, называемого “русским духом”. По мнению Зеньковского: «Григорьев же больше всего внес в русскую мысль не своим романтизмом, не преклонением перед искусством, а философией “почвенности”, исканием “непосредственности” через восстановление “органической цельности” в созерцании мира и в историческом творчестве»².

Другим не менее значимым представителем “почвенничества” был Николай Николаевич Страхов (1828–1896), родившийся в небогатой семье священника. Религиозность семьи заложила в нем глубокое нравственное начало Православия. Материальная несостоятельность семьи не позволила ему окончить физико-математический факультет Петербургского университета. Страхов был вынужден завершить свое образование в педагогическом институте.

В западной культуре Н.Н. Страхова не устраивает система секуляризма, что и было им подвергнуто критике: “Европейское просвещение, это – могущественный рационализм, великое развитие отвлеченной мысли”³.

Н.Н. Страхов пишет: “никакого выхода из рационализма не может существовать внутри самого рационализма”. В отречении Страхова от рационализма, от философии Гегеля главную и основную роль сыграло его общение с Л.Н. Толстым и увлечение Шопенгауэром. Освобождаясь от рационализма как однобокого истолкования исторического процесса, он все более и более укрепляется на позициях “бессознательного”. Попытка увидеть мир полнее, нежели то, что предлагает европейский рационализм, сблизжает Н.Н. Страхова с Н.Я. Данилевским. Идея о различии культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в книге “Россия и Европа” подкрепляет его почвенническое понимание России.

¹ Зеньковский В.В. Указ. соч. – С. 214–215.

² Там же. – С. 215.

³ Борьба с Западом в русской литературе. Кн. 1. 1882. – С. XI.; Зеньковский В.В. Указ. соч. – С. 218.

Наиболее значимый представитель почвенничества – Федор Михайлович Достоевский (1821–1881) – родился в семье военного врача. “Я происходил из семейства русского и благочестивого... Мы в семействе нашем знали Евангелие, чуть ли не с первого года; мне было всего лишь десять лет, когда я знал почти все главные эпизоды русской истории”⁴. Из этого следует, что основой его зрелого мировоззрения станет знание русской истории и религиозность.

Ф.М. Достоевский вначале увлекался романтической поэзией, но после знакомства с кружком Петрашевцев он больше склоняется к французскому утопическому социализму, особенно к Фурье. Этот период увлечения социализмом не противоречит его внутренним убеждениям – это вера в прогресс, основанный на “естественном” добре человеческой природы и вера в возможность осуществления “естественным” путем подлинного, всецелого и всечеловеческого счастья». Это можно назвать “христианским натурализмом”, где признается “славянофильство души человеческой”. В это он будет верить всю жизнь.

Ф.М. Достоевский никогда не сомневался в бытии Бога, но хотел разобраться с бытием человека, культуры с позиции религии. Он не пытался отделить мир человеческий от мира божественного, поскольку этот путь ведет к отделению от Бога и от мира божественного. Именно такое понимание дает ему основание не только не принять, но и осудить секуляризм. Для него секуляризм был одной из форм проявления атеизма, ибо он искажает и тем самым отделяет человека от веры в Бога.

Он также был против отделения церкви и культуры. Наряду с этим в период увлечения социализмом внутренняя раздвоенность, разобщенность человеческой души человека проявляется у него во всем. «Почвенничество (как одно из проявлений христианского натурализма) и в то же время высокий идеал вселенского христианства, переступающего границы народности; страстная защита личности, этический персонализм в высшем и напряженнейшем его выражении, – и рядом разоблачения “человека из подполья”; вера в то, что “красота, это – страстная и ужасная вещь”, – все эти антиномии не ослабевают, а, наоборот, все

⁴ Зеньковский В.В. Указ. соч. – С. 221.

больше заостряются и к концу жизни Достоевского»¹.

Человек, полагаясь на свободу и разум, отходит от добра, тем самым теряет в себе нечто, без чего ему жить как человеку нельзя. Именно это, как любил говорить Ф.М. Достоевский, “обособление” оттого, что делает человека человеком, порождает мир неустроенный, позволяющий сеять “семя смерти”. Однако свобода может и возвысить в нем ангельское начало. И это становится возможным, если он не отвернется оттого, что может его возвысить. Достоевский уверен, что в человеке сокрыта великая сила, могущая спасти его и мир, в котором он живет. Беда человека заключается в том, что он не может им управлять. Главная задача человека научиться это, делать, т.е. “управлять этим богатством”. «В материалах к “Бесам” находим такое место: “Христос затем и приходил, чтобы человечество узнало, что и его земная природа, дух человеческий может явиться в таком небесном блеске, на самом деле и в плоти, а не то, что в одной мечте и в идеале, – что это и естественно и возможно”»².

Через себя, через наблюдения за окружающими людьми, через историю Достоевский глубоко осознал и разобрал в своих произведениях антиномии. Глубокое понимание антиномий и желание найти пути выхода из таковых ситуаций подсказали пути решения идейных противостояний славянофилов и западников. В своей замечательной речи, посвященной А.С. Пушкину, Ф.М. Достоевский пишет: “О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей”. Далее он усиливает свою мысль: “О, народы Европы и не знают, как они нам дороги И впоследствии, я верю в это, мы, т.е., конечно, не мы, а грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже

окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловеческой и воссоединяющей, а в конце концов, может быть, и изречь окончательно слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!”³.

Пытаясь примирить всех, он не может и не хочет скрывать своих симпатий к славянофилам, не идеализируя, а, напротив, видя в них недостатки – неприятие всего европейского. Но и критикуя западников, видит их позитивную, положительную сторону – европейское образование.

Западников можно было узнать в образе Онегина, которого подвергал критическому анализу Ф.М. Достоевский. Онегин “любит фантазию, да ведь он и сам фантазия”⁴ и более того “у него никакой почвы, это былинка, носима ветром”⁵.

Как же хочет примирить славянофилов и западников Ф.М. Достоевский? В этом ему помогает А.С. Пушкин и созданный им образ Татьяны – “ней и в отчаянии и в страдательном сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается ее душа”⁶. “Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святыней”⁷. Это и есть почва. “Француз может служить не только своей Франции, но даже и человечеству, единственно под тем условием, что останется наиболее французом; равно англичанин и немец. Один лишь русский, даже в наше время, то есть еще гораздо раньше, чем будет подведен всеобщий итог, получил уже способность становиться наиболее русским именно тогда, когда он наиболее европеец. Это и есть самое существенное национальное различие наше от всех... Россия живет решительно не для себя, а для одной лишь Европы”⁸.

Быть со всеми, при этом оставаясь собой, т.е. русским. Вот главная примирительная идея названная Ф.М. Достоевским “русской идеей”. Эта мысль пришла ему в 1877 г., и получила

¹ Зеньковский В.В. Указ. соч. – С. 221.

² Там же. – С. 234–235.

³ Достоевский Ф.М. Пушкин // Русская идея. – С. 145.

⁴ Зеньковский В.В. Указ. соч. – С. 141.

⁵ Там же.

⁶ Достоевский Ф.М. Пушкин // Русская идея. – С. 141.

⁷ Там же. – С. 142.

⁸ Достоевский Ф.М. ППС – Т. 13. – С. 377.

свое развитие в 1880 г., когда была написана знаменитая Пушкинская речь. До этого им было написано следующее: "...национальная идея русская есть, в конце концов, лишь всемирное общечеловеческое объединение"¹.

При этом все объединяются без исключений, учась друг у друга. Это и будет русской идеей. Идеей, могущей русских единить, а не разъединять. "Мы, – пишет Достоевский, – первые объявили миру, что не через подавление личностей иноплеменных хотим мы достигнуть собственного преуспеяния, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними"².

Но это, возможно, сделать только тому, кто стоит на твердой почве, а не тому, кто, как перекасти поле, считается на чужбине. Здесь отметим некоторые образы, созданные Ф.М. Достоевским и А.С. Пушкиным. Если у Пушкина отрицательный персонаж это "скиталец", то у Достоевского – чужбина, "Америка". Там могут жить только те, кто оторван от почвы, от святости, от добра. Например, в "Преступлении и наказании" Крафту и Свидригайлову накануне их самоубийства видится Америка. Попавший в Америку теряет свою душу либо, осознав всю пагубность этого места, возвращаются к себе на родину, обновленные на родную почву. Таким оказался Шагов ("Бес"), Митя Карамазов, понимающий, что бежать из каторги он может только в Америку. Но при этом он понимает и другое – то, что Америка его погубит.

Человек же, обретший родную почву и исходящий из родной почвы, добр и светом божьим одарен, таким являются у Ф.М. Достоевского: Карамазов и старец Макар Иванович и мужик Морфей, Тихон и др.

Из людей, ценящих и любящих свою почву, рождаются гении. "Разве в безличности спасение? Напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо высочайшей степени, чем та, которая определилась на Западе. Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем,

чтобы и другие были такими же самоуправными и счастливыми личностями"³.

В истории русской мысли различают старших и поздних славянофилов. К числу поздних славянофилов относят Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и Н.Н. Страхова. Однако с нашим мнением не все согласны. Несмотря на существующие разногласия, считаем важным и необходимым рассмотреть творчество Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева в рамках заявленной темы.

Н.Я. Данилевский (1822–1885) окончил естественный факультет Петербургского университета в 1847 г. Знакомство с кружком Петрашевцев привело его к идеям Фурье. В 1849 г. был арестован по делу Петрашевского. На суде был оправдан, поскольку имел интерес только к экономическим раскладам в учении Фурье. В XVIII в. в журнале "Заря" выходят в свет первые главы "России и Европы", которая позже будет издана отдельной книгой. Она вызвала споры, несогласие ярых поклонников. Н.Я. Данилевский пытается ответить на вопрос, мучавший не только его, но и несколько поколений русских мыслителей – почему Европа (Запад) постоянно отторгает Россию, воспринимая ее враждебно. Более того, несколько раз нападая на Россию с целью ее уничтожения. Россия же наоборот, никогда не нападала на Европу и пыталась сблизиться с членами европейской семьи народов.

"Причина явления гораздо глубже. Она лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели..."⁴.

Для ответа на эти вопросы он обращается к работам немецкого историка Рюкерт. Он считал, что "точно так же как живые организмы находятся в непосредственной, изматывающей борьбе друг с другом и окружающей средой, так и культуры рождаются, живут, дряхлеют и умирают"⁵.

Н.Я. Данилевский разработал теорию "культурно-исторических типов". По этой тео-

³ Там же. – Т. 5. – С. 79.

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С. 52.

⁵ Гуревич П.С. Философия культуры. – М., 1995. – С. 211.

1 Достоевский Ф.М. ППС – Т. 25. – С. 20.

2 Там же. – Т. 13. – С. 100.

рии европейские культуры принадлежат к одному культурно-историческому типу – романо-германская цивилизация. Россия относится к другому культурно-историческому типу, который еще не успел себя проявить, но за ними будущее считает Н.Я. Данилевский. Народы, по Данилевскому, делятся на три основных класса: позитивные – это создающие великие и культурно-исторические типы; негативные, разрушающие народы – гунны, монголы, турки. Следует отметить, что Н.Я. Данилевский отрицательно относится ко всему восточному. Более того, он отрицает право использования в науке термина “Запад – Восток”. По его мысли, нельзя признать за Западом и Востоком двух полюсов прогресса. “Запад, Европа составляют полюс прогресса, неустанного усовершенствования, непрерывного движения вперед: Восток, Азия – полюс застоя и коснения, столь ненавистных современному человеку”¹. Пытаясь подкрепить свои слова, он приводит такой вывод, что большая часть Европы и Азии заселены арийскими племенами.

Н.Я. Данилевский уверен, что прогресс человеческой культуры возможен и “состоит не в том, чтобы все шло в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях... Поэтому не одна цивилизация не может гордиться тем, что она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественниками...”².

Разнонаправленность развития преимущественно западных культур Н.Я. Данилевский обосновывает присутствием и сосуществованием ряда культурно-исторических типов, таких, как: 1 – египетский; 2 – китайский; 3 – ассирийско-вавилонно-финикийский, халдейский или древне-семитический; 4 – индийский; 5 – иранский; 6 – еврейский; 7 – греческий; 8 – римский; 9 – ново-семитический или арабийский; 10 – германо-романский или европейский³.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991. – С. 159.

² Вайгачев С.А. Послесловие к книге Данилевского Н.Я. Россия и Европа. – СПб., 1995. – С. 244.

³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб., 1995. – С. 244.

То, что будущее за Россией, за славянской цивилизацией Н.Я. Данилевский пытается обосновать через своеобразие культурно-исторических типов, “многие культурно-исторические типы имеют только одну основу (так, европейская культура – религиозную основу, греческая – художественную, тогда как Рим развил высокую политическую культуру). Германо-романский тип имеет двойную основу и отличается политической культурой, носящей научный и индивидуальный характер. Славянский же тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим: 1) религиозным, 2) научным, творческим в искусстве, технологическим, индустриальным, 3) политическим, 4) экономическим и общинным”⁴.

Иначе говоря Н.Я. Данилевский считает, что России не зачем тратить силы, пытаясь понравиться и присоединиться к Европе. Так как присоединиться к европейской семье народов России не удастся, имея в виду то, что Европа – это романо-германский культурно-исторический тип. Вместо траты сил и времени лучше сконцентрировать свои усилия на своем культурно-историческом типе.

Ф.М. Достоевский упрекал Н.Я. Данилевского за то, что тот отрицал единство человечества и общечеловеческих идеалов. За это же он был подвергнут резкой критике со стороны В.С. Соловьева.

Другим, вызывающим наш интерес мыслителем, является К.Н. Леонтьев (1831–1891), который родился в семье помещика, окончил медицинский факультет Московского университета в 1854 г. После его окончания пытался работать по профессии, но неожиданно в 1863 г. поступает на дипломатическую работу и проработал 10 лет консулом в Турции. Был вынужден из-за разногласий с руководителями внешней политики России уйти в отставку. Пытался войти в литературную среду, но не был принят и уехал в монастырь – Оптину Пустынь.

К.Н. Леонтьев расходится с точкой зрения официальных представителей консервативного направления, таких, как М.Н. Катков и К.П. Победоносцев, которые считают, что для поддержания status quo достаточно иметь сильную монархическую власть. В то время как по

⁴ Лосский Н.О. История русской философии. – М., 1991. – С. 80.

К.Н. Леонтьеву кроме монархической власти, необходимо и целесообразно сословное неравенство и разнообразие национального состава государства.

К.Н. Леонтьев категорически против русификации инородных окраин российской империи, поскольку это может привести и разрушительному единообразию, обезличиванию. Либеральные идеи, по мнению К.Н. Леонтьева, губительны для России. “У нас трудно быть прогрессистом (хорошим, т.е. органическим), а всякий прогрессист у нас становится, сам того не замечая, мирным революционером, т.е. мирно разрыхляет почву для немирных или непримиримых”¹.

К.Н. Леонтьев помогает нам познать себя (отметим, что он все время чувствовал недостаток понимания).

Его Н.Н. Страхов называл “эстетическим славянофилом”², С.Н. Трубецкой – “разочарованным славянофилом”³. Хотя В.С. Соловьев считает, что он никогда не был славянофильством очарован⁴, Н.А. Бердяев полагает, что “он, конечно, никогда не был славянофилом и во многом был антиподом славянофилов”⁵.

Из сказанного выше можно понять, что он был оригинальным и самодостаточным мыслителем. По его мнению любое культурно-историческое образование проходит в своем существовании три стадии развития при благоприятных обстоятельствах: “1) первичной простоты, 2) цветущей сложности, 3) вторичного смесительного упрощения”⁶.

Неравномерное историческое и культурное развитие народов и мира, находящихся на разных этапах развития и преобладающих на мировой арене в различные периоды истории,

К.Н. Леонтьев трактовал вслед за Н.Я. Данилевским как смену культурно-исторического типа другим. Но в отличие от последнего Леонтьев окончательно избавился от “прогрессистского предрассудка”, согласно которому история есть движение от несовершенного к более совершенному. Для него культурно-исторические типы равноценны и ни в чем не превосходят друг друга⁷.

К.Н. Леонтьев считал, что каждая культура должна стремиться к собственной изоляции, что может дать ей возможность развить свою культуру до уровня цветущей сложности и продлить ее бытие на этом уровне. Здесь просматривается его консервативный своеобразный изоляционизм.

В рамках своей философии К.Н. Леонтьев говорит о России и о ее прошедшей истории и грядущей судьбе. Корни исторического бытия России он видит в Киевской Руси. Продвигаясь по векам, он положительно оценивает реформу Петра I. “До Петра было больше однообразия в социальной, бытовой картине нашей, больше сходства в частях. С Петра началось более ясное, резкое расслоение нашего общества, явилось то разнообразие, без которого нет полной жизни, нет творчества у народов”⁸.

“Такая оценка подводит Леонтьева К.Н. к мысли, что именно с преобразований Петра началась стадия цветущей сложности в российской истории, которая достигла своего апогея в правление Екатерины II и в годы царствования Николая I”⁹.

Далее, вместо замедления задержки на стадии цветения Россия начала скатываться к вторичному смесительному упрощению. Отсюда Леонтьев К.Н. определяет задачу России – не только укрепить свои внутренние устои, но и всячески поддерживать оплоты консерватизма в Европе и в Азии.

К.Н. Леонтьев – за “упрямое иноверчество”, ибо оно способно стимулировать православную веру в России. «Я говорю – “к Церкви” даже католической, ибо если бы не был православным, то желал бы, конечно, лучше быть верующим католиком, чем эвдемонистом

¹ Леонтьев К.Н. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1912. – Т. 5. – С. 553.

² Неизданные письма Розанова В.В. к Леонтьеву К.Н. // Лит. учеба. – М., 1989. – №6. – С. 129.

³ Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // Вестник Европы. – 1892. – №10. – С. 772–810.

⁴ Соловьев В.С. Собр.соч.: В 9 т. – СПб., 1907. – Т. 9. – С. 460–461.

⁵ Бердяев Н.А. О русской философии: В 2 ч. – Ч. 1. – Свердловск, 1991. – С. 151.

⁶ Леонтьев К.Н. Указ. соч. – С. 72.

⁷ Абдрасулов С.М. Философская интерпретация судьбы России: Чаадаев П.Я., Леонтьев К.Н., Соловьев В.С. – Бишкек, 2001. – С. 143.

⁸ Там же.

⁹ Там же. – С. 53.

и либерал-демократом!!! Уж это слишком мерзко!»¹.

Подытожим все изложенное выше о К.Н. Леонтьеве и его учении его же словами: “Всем лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже. Взаимные колебания горести и боли – такова единственно возможная на Земле гармония. И больше

¹ *Леонтьев К.Н.* Собр.соч.: В 9 т. – М., 1912. – Т. 8. – С. 203.

ничего не ждите. Помните то, что всему бывает конец”².

Задача России, по К.Н. Леонтьеву, – состояться до своего конца, оставить в мире духовный след, а это возможно, если не только сохранить, но и укрепить византийское начало и традиционный, народный уклад жизни.

² *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство: В 2 т. – М., 1885–1886. – Т. 2. – С. 393.